

О ДАТИРОВКЕ БИТВЫ ПРИ СЕПЕЕ*

Как известно, соперничество Спарты и Аргоса на всем протяжении греческой истории было важнейшим фактором, определявшим положение дел как на Пелопоннесе, так и в остальной Элладе¹. Среди немногих сведений о спартанско-аргосских взаимоотношениях до Греко-персидских войн наибольшую важность имеют данные о разгроме аргосского войска спартанским царем Клеоменом в битве при Сепее. Большинство исследователей относят разгром Аргоса к тому же году, когда пал и Милет, т. е. к 495/494 г. до н. э., на основании оракула, приведенного Геродотом (VI, 19,77)².

---

* Приношу искреннюю благодарность А. И. Зайцеву за ценные замечания, высказанные им при чтении рукописи данной статьи.

¹ Едва ли можно согласиться с попытками некоторых современных исследователей опровергнуть историческую традицию о враждебных отношениях между Спартой и Аргосом, уходящих в глубокую древность (см., например, Th. Kelly, *The Traditional Enmity Sparta and Argos: The Birth and Development of a Myth*, *AHR*, vol. 75, № 4, 1970, стр. 971 сл.; о в ж е, *A History of Argos to 500 B. C.*, Minneapolis, 1976, стр. 50 сл., 73 сл., 126 сл.).

² Ed. Meyer, *Geschichte des Altertums*, Bd. IV, Stuttgart, 1939, стр. 300; E. M. Walker, *CAH*, vol. IV, 1926, стр. 164; H. Berve, *Griechische Geschichte*, Bd. I, Freiburg, 1931, стр. 244; H. Bengtson, *Griechische Geschichte*, München, 1976, стр. 162; M. Wörle, *Untersuchungen zur Verfassungsgeschichte von Argos im V. Jahrh. v. Chr.*, Diss., Erlangen—Nürnberg, 1964, стр. 7, 101 сл.; M. Zambelli, *Per la storia di Argo nella prima metà del V secolo A. C.*, *RFIC*, vol. 99, № 2, 1971, стр. 148—158; vol. 102, № 4, 1974, стр. 442—453.

Другие же ученые, ссылаясь на утверждение Павсания, который пользовался местной аргосской хроникой (III,4,1), относят поход Клеомена против Аргоса к 520 г. до н. э.³

Несмотря на то что большинство современных исследователей принимают позднюю дату поражения Аргоса у Сепеи, нет полной уверенности в правильности этой датировки⁴. Между тем решение этого вопроса имеет первостепенное значение не только для характеристики спартанско-аргосских взаимоотношений, но и для реконструкции истории Спарты и Аргоса в VI — начале V в. до н. э.

Основные доказательства, подтверждающие позднюю дату, приведены у У. Хау⁵. Наиболее важным из них является оракулярная традиция. Геродот (VI,19) пишет: «Действительно, аргосцам, вопрошавшим бога в Дельфах о спасении своего города, было дано общее прорицание: часть его относилась к самим аргивянам, добавление же Пифия изрекла милетянам...». Изречение милетянам, хотя и не присутствовавшим там, было следующее:

«Тогда и ты, Милет, замышляющий преступные деяния,
Станешь яством для многих и превосходным подарком,
Жены твои будут омывать ноги многим мужчинам с длинными волосами,
И забота о нашем храме в Дидимах будет лежать на других».

Это и случилось с милетянами: большая часть мужского населения была истреблена персами, носящими длинные волосы, а жены и дети милетян низведены были до положения рабов. Священный же храмовый участок, а также храм и прорицалище были разграблены и преданы огню. Об оракуле, данном аргосцам, у Геродота (VI, 77) мы читаем следующее: «Действительно, к этому случаю относилось изречение Пифии, данное аргосцам и милетянам вместе:

Когда женщина одолеет мужчину,
Изгонит его и стяжает себе славу среди аргосцев,
Тогда многих аргивянок она повергнет в тяжелую скорбь.
Кто-либо из грядущих потомков скажет:
„Страшный втрое свернувшийся змей погиб под ударом копья“».

Е. Уокер совершенно справедливо заметил, что один оракул, обращенный к двум государствам, — явление беспрецедентное в древней Греции, и поэтому трудно представить, чтобы он был делом рук фальсификатора оракулов. Поэтому ученые, анализируя каждое предсказание в отдельности, пытаются выяснить, когда и при каких обстоятельствах по-

³ Э. Курциус, История Греции, т. I, М., 1880, стр. 311; J. Wells, Studies in Herodotus, Oxf., 1923, стр. 74 сл.; Th. Lensch, König Kleomenes I von Sparta, Klio, 31, 1938, стр. 417 сл.; E. Will, Korinthiaka, P., 1955, стр. 638. В отечественной историографии эта дата была принята С. А. Жебелевым (см. Аристотель, Политика, перевод С. А. Жебелева, М., 1911, стр. 212, прим. 3; см. также СИЭ, т. I, ст. Аргос, М., 1961, стр. 715). Р. Краэ (R. C. Gray, La littérature oraculaire chez Hérodote, P., 1956, стр. 178) называет 509 г. как дату разгрома Аргоса, иногда допускаемую в литературе (см. там же указания на литературу) по причине исторической вероятности.

⁴ См., например, статью о Клеомене в «Der kleine Pauly» (G. Dax, Kleomenes, Der kleine Pauly, Bd. III. Stuttgart, 1969, стб. 242). На неточность этой датировки указывает и А. Гарви (A. F. Garvie, Aeschylus Supplices: Play and Trilogy, Camb., 1969, стр. 148).

⁵ W. How, J. Wells, A Commentary on Herodotus, vol. II, Oxf., 1912, стр. 352.

явился этот общий оракул, касающийся аргосцев и милетян⁶. Сторонники поздней датировки разгрома Аргоса, исходя из предсказания, данного милетянам, считают, что он возник в какое-то время после битвы при Ладе перед окончательным разгромом Милета⁷.

Геродот, интерпретируя эту часть оракула, которая касалась милетян, отмечает, что события развивались именно так, как и предсказывала Пифия. Однако это его суждение не дает основания согласиться с тем, что оракул был составлен накануне завоевания персами Милета или что предсказание, данное милетянам, было *vaticinium post eventum*. Несомненно, содержание оракула свидетельствует об угрозе Милету со стороны Персии. Однако нет необходимости думать, что такая угроза могла возникнуть только в обстановке Ионийского восстания и поэтому оракул мог появиться в какое-то время непосредственно перед падением Милета. После падения Лидийского царства персидская угроза постоянно висела над милетянами как Дамоклов меч, несмотря на то, что у них были договорные отношения с Великим царем⁸. Недовольство Милета персидским господством на суше и на море возникло задолго до Ионийского восстания⁹. Да и само восстание милетяне могли рассматривать как важнейшее средство против растущей персидской угрозы. В 523 г. персы расправились с Поликратом Самосским, который пытался, хотя и в своеобразной форме, противопоставить персам сильное объединение греческих городов Малой Азии и островов (Herod., III, 39). Правда, после смерти Камбиза и в связи с восстаниями, начавшимися в Египте и в других районах, завоеванных персами, и на территории самого персидского государства, ионийцы вздохнули свободнее. Однако надежды ионян не оправдались. Дарий сумел подавить восстания как в самой Персии, так и в покоренных государствах. Важнейшим симптомом нарастающей угрозы Милету со стороны персов было то, что персидский царь уже перестал доверять своим ставленникам в Милете — тиранам Гистизю и Аристагору. Вместе с тем следует также отметить (и это, по-видимому, будет самым важным аргументом), что недвусмысленно мрачный характер оракула милетянам мог объясняться убеждением дельфийских жрецов в несокрушимости персидской державы и уже проявляющейся их проперсидской ориентации, а также враждебностью, которую испытывали Дельфы к Милету, и их соперничеством с оракулом в Дидимах. Это становится совершенно очевидным, стоит лишь обратиться к первому и четвертому стихам оракула:

Καὶ τότε δῆ, Μίλητε, καθῶν ἐπιμήχανε ἔργων...

Νεοῦ δ' ἡμετέρου Διδύμοις ἄλλοισι μελήσει.

В них звучит явный призыв Милету. Попытки некоторых исследователей¹⁰ подразумевать под выражением «замышляющий преступные деяния» ка-

⁶ Дж. Бэри (J. В. В u g y, *The Epicene Oracle Concerning Argos and Miletus*, Кlio, 2, 1902, стр. 14—28), пытаясь в свое время решить эту проблему, пришел к выводу, что общий оракул возник вследствие обращения аргосцев в Дельфы после того, как к ним прибыл Аристагор и призывал принять участие в ионийском восстании. Эта точка зрения нашла отражение и в дальнейшем (см., например, М. Сагу, САН, vol. IV, 1926, стр. 220; J. M y e s, *Herodotus, Father of History*, Oxf., 1953, стр. 197; A. D i a m a n t o p o u l o s, *The Danaid Trilogy of Aeschylus*, JHS, vol. 77, 1957, стр. 220—229; A. R. В u g n, *Persia and Greeks*, L., 1962, стр. 227). Вместе с тем гипотеза Дж. Бэри вызвала у ряда исследователей критические замечания (см. Th. L e n s c h a u, Кlio, 31, 1938, стр. 419; С r a h a y, ук. соч., стр. 178; G a r v i e, ук. соч., стр. 154).

⁷ Н. W. P a r k e, D. E. W o r m e l l, *The Delphic Oracle*, vol. I, Oxf., 1956, стр. 158.

⁸ H e r o d., I, 169; ср. G. L. H u x l e y, *The Early Ionians*, L., 1966, стр. 120.

⁹ В. М. Стр о г е ц к и й, Ионийское восстание и позиции Спарты, ВДИ, 1973, № 3, стр. 138 сл.

¹⁰ В u g y, ук. соч., стр. 22.

кое-то конкретное преступление Милета малоубедительны. По-видимому, этот стих следует понимать не в конкретном, но в самом общем смысле. Между Милетом и Дельфами никогда не было дружественных отношений. Расцвет Дельф приходится на время греческой колонизации. Милет же, выводя многие свои колонии в районы Геллеспонта и Понта Эвксинского, ни разу не обращался за советом в Дельфы. Во времена лидийского господства в Малой Азии Дельфы распространяют свое влияние и на Восточную Эгеиду. Устанавливаются тесные связи между Алиатом, Крезом и дельфийским храмом, однако и в этих условиях Милет игнорировал дельфийский оракул¹¹. После падения Лидийского царства Дельфы потеряли влияние в этом районе. Вражда между Дельфами и Милетом усугубилась еще более расхождением в отношении к персам: Дельфы, как уже говорилось, проводили примиренческую политику. Милет же, как и другие ионийские города, тяготился персидским господством. Таким образом, все это позволило Дельфам охарактеризовать Милет как *κακῶν ἐπιπύρανε ἔργον*¹². Последнюю строку оракула: «Наш храм в Дидимах попадет в ведение других», по-видимому, можно истолковать как притязание Дельф (ср. Strabo, IX, 421; XIV, 635)¹³.

В источниках отмечается, что храм и оракул в Дидимах принадлежали Милету¹⁴. Оракул в Дидимах играл важную роль лишь до тех пор, пока сам Милет оставался независимым крупным культурным и экономическим центром Малой Азии¹⁵. Этот оракул пользовался авторитетом в вопросах организации колоний¹⁶. В Милете благодаря могущественному влиянию святилища в Бранхидах культ Аполлона был государственным, а жрец его храма был эпонимом милетского года¹⁷. Поэтому ни Милет, ни другие ионийские центры не обращались за советом в Дельфы, имея у себя оракул, не уступающий по значению дельфийскому. Это, конечно, раздражало Дельфы. Следы конкуренции между этими двумя святилищами отразились в испытании оракулов, о котором говорит Геродот (I, 46,91). Таким образом, есть основания предполагать, что оракул, обращенный к милетянам, мог появиться задолго до 495/494 г.

Гораздо сложнее обстоит дело с оракулом для аргосцев. Вопрос о его подлинности или неподлинности, по-видимому, возникал уже в древности. Во всяком случае Павсаний (II, 20,8), излагая содержание оракула, отмечает, что это изречение Пифии, видоизмененное или подлинное, сообщил Геродот (... καὶ τὸ λόγιον εἴτε ἄλλως εἴτε καὶ συνεῖς ἐδήλωσεν Ἡρόδοτος). Первые три строки этого предсказания наиболее часто обращали на себя внимание исследователей. Многие из них высказывали различные догадки, пытаясь дать конкретное истолкование этих строк¹⁸. С. Я. Лурье полагал, что не следует искать в этих словах какой-либо конкретный смысл. Он объяснял эти строки как застывшее выражение, принявшее вид

¹¹ См. Herod., I, 49.

¹² О вражде между Милетом и Дельфами см. также S t a h a u, ук. соч., стр. 176.

¹³ Мнение Дж. Бэри (ук. соч., стр. 21) о том, что между Милетом и Бранхидами имели место конфликты, а между Дельфами и храмом в Дидимах — близкие и дружественные отношения, не находит подтверждения в источниках.

¹⁴ Strabo, XIV, 635; Paus., VIII 4, 6, 3.

¹⁵ После разрушения Милета храм был сожжен. Вплоть до IV в. до н. э. оракул перестал играть какую-либо роль. В IV в. до н. э. начинается новый расцвет святилища в Дидимах (см. O. G r u p p e, Griechische Mythologie und Religionsgeschichte, Bd. I, München, 1906, стр. 288).

¹⁶ G r u p p e, ук. соч., стр. 288; L. R. F a r n e l l, The Cults of the Greek States, vol. IV, Oxf., 1907, стр. 172.

¹⁷ F a r n e l l, ук. соч., стр. 171.

¹⁸ В u r y, ук. соч., стр. 20; W. A l y, Völksmärchen, Sage und Novelle bei Herodot, Göttingen, 1921, стр. 158.

поговорки, обозначающей беспорядок (*topsyturvy*)¹⁹. Мнение С. Я. Лурье можно было бы считать бесспорным, если бы фраза *ἡ θηλεία τὸν ἀρσένα νικῆσασα* не имела при себе никаких пояснительных слов. Между тем второй и третий стихи этого оракула заставляют думать, что все это выражение имеет какой-то определенный, конкретный смысл. Поэтому мы склонны согласиться с утверждением Дж. Уэллса о том, что в основе оракула лежит рассказ о спасении Аргоса поэтессой Телесиллой²⁰.

С. Я. Лурье²¹ полагал, что если принять за основу этого оракула рассказ о Телесилле, то тогда возникает неясность при интерпретации третьего стиха, почему «она (Телесилла) повергнет в скорбь многих аргивянок». Между тем можно предложить следующее объяснение. Согласно Павсанию (II, 20, 8), Телесилла позволила рабам участвовать в обороне города, фактически освободив их²². Получив свободу и воспользовавшись тем, что мужское население Аргоса в основном погибло, рабы захватили всю полноту власти в городе (Herod., VI, 83). Установление господства рабов в Аргосе принесло аргивянкам неисчислимые страдания.

Что же касается заключительной формулы оракула:

᾿Ως ποτὲ τις ἐρεῖ ἐπισσομένων ἀνθρώπων
Δεινὸς ὄφις τριέλικτος ἀπόλετο θοορὶ δαμασθεῖς,

то она недвусмысленно указывает на поражение Аргоса, ведь змей — это эмблема аргосцев²³.

Подводя итог краткому анализу оракулярной традиции, следует отметить, что она не может служить безупречным аргументом в пользу поздней даты разгрома Аргоса Спартой. Как мы видели, интерпретация содержания оракулов, полученных милетянами и аргивянами, не исключает возможности их возникновения задолго до 495/494 г. до н. э. независимо от того, будем ли мы считать изречение, предназначенное для аргосцев, *vaticinium post* или *ante eventum*.

В качестве аргумента в пользу поздней даты разгрома Аргоса обычно используют речь Аристагора Милетского в Спарте (Herod., V, 49). Между тем ее нельзя рассматривать как фактическое воспроизведение того, что на самом деле говорил милетский тиран, потому что она была составлена самим Геродотом и он ввел ее в текст для того, чтобы противопоставить

¹⁹ S. Luria, *Frauenpatriotismus und Sklavenemanzipation in Argos*, *Klio*, 26, 1933, стр. 215—220; см. также Parkes, Worgmell, ук. соч., vol. I, стр. 160; R. F. Willets, *The Servile Interregnum at Argos*, *Hermes*, 87, 1959, стр. 502.

²⁰ Wells, *Studies in Herodotus*, стр. 92—94; см. также R. W. Mason, *Herodotus*, IV—VI, L., 1895, ad VI, 77; R. Herzog, *Auf den Spuren der Telesilla*, *Philologus*, 71, 1912, стр. 1 сл.; Bengtson, ук. соч., стр. 162. Правда, Р. Герцог датирует войну, в которой проявила себя Телесилла, серединой V в. Те исследователи, которые считают рассказ Павсания о Телесилле фикцией, обычно указывают на молчание Геродота как основной аргумент. Тем не менее следует учитывать, что сообщение Геродота о разгрома Аргоса основывается на спартанском источнике, который мог сознательно скрыть некоторые подробности этого события, выставляющие Спарту в невыгодном свете. Павсаний, рассказывая о Телесилле, описывает также ее рельефное изображение, установленное перед храмом Афродиты. Телесилла изображена в полный рост, у ее ног брошены ее книги, сама же она смотрит на шлем, который держит в руке, собираясь надеть его на голову. Столь подробное описание этого рельефного изображения дает основание предполагать, что Павсаний видел его сам.

²¹ Luria, ук. соч., стр. 217 сл. См. также P. A. Stadter, *An Analysis on the Mulierum virtutes*. *Plutarch's Historical Methods*, Cambr., 1965, стр. 7 (автор считает это изречение *vaticinium ante eventum* и предполагает, что весь рассказ о деятельности Телесиллы был придуман для того, чтобы объяснить содержание оракула).

²² Dioid., X, 26; ср. K. J. Bloch, *Griechische Geschichte*, II(1), B., 1924, стр. 14, прим. 3; Lenschau, ук. соч., стр. 416 сл.; F. Kiechle, *Argos und Tiryns nach der Schlacht bei Sepeia*, *Philologus*, Bd. 104, 1960, стр. 184 сл.; E. Gschhitzer, *Abhängige Orte im griechischen Altertum*, München, 1958, стр. 75.

²³ См. Soph., *Antig.* 125; ср. How, Wells, ук. соч., II, ad VI, 77.

благоразумие спартанцев авантюризму Аристагора²⁴. Уже Дж. Уэллс указал на сомнительную ценность этого доказательства²⁵. Аристагор, ставя рядом Мессению, Аркадию и Аргос, перечисляет традиционных противников Спарты.

Ненадежным аргументом в пользу поздней даты битвы при Сепее является также свидетельство Геродота о причинах отказа Аргоса участвовать в общегреческой борьбе против персов. Согласно Геродоту, который в данном случае пользовался местным аргосским источником, аргивяне, узнав о приготовлениях варваров к походу против Эллады и понимая, что эллины будут стараться привлечь их к войне с персами, отправили послов в Дельфы узнать, как лучше им в таком случае поступить, ибо незадолго до этого 6 тысяч аргосцев погибли от лакедемонян и Клеомена (Herod., VII, 148). Дельфы им посоветовали занять нейтральную позицию. Выражение *νεωστὶ* в аргосском источнике Геродота, по-видимому, служило лишь для оправдания политики нейтралитета. Поэтому аргумент этот не может быть использован для далеко идущих выводов. Это уже отметил и У. Хау, систематизировавший доказательства в пользу поздней даты разгрома Аргоса²⁶.

Таким образом, ни один из перечисленных нами аргументов не может считаться совершенно прочным доказательством поздней даты разгрома Аргоса. При этом тем более важно отметить, что есть и другие указания Геродота, на основании которых можно заключить, что битва у Сепее произошла гораздо раньше.

Геродот помещает свой рассказ о войне с Аргосом в последние годы правления Клеомена не потому, что битва приходится на эти годы. Геродот рассматривает жестокую расправу над аргосцами как причину ужасной гибели царя. Причем весь рассказ о войне Клеомена с Аргосом и о дальнейших событиях в городе в тексте Геродота представляет собой экскурс в аргосскую историю. Обычно Геродот использует экскурсии для того, чтобы рассказать о событиях более древних. Говоря о войне Клеомена против Писистратидов, Геродот совершенно не упоминает о позиции Аргоса, который, как известно, был активным союзником афинян²⁷. Между тем Геродот отмечает, что помощь Гиппию оказала Фессалия. Неучастие Аргоса, может быть, можно объяснить тем, что он к этому времени был уже разгромлен Клеоменом. Известно, например, стремление Клеомена изолировать Афины от их союзников (Herod., VI, 108). Среди всех афинских союзников Аргос был наиболее опасен для Спарты, поскольку всячески препятствовал ей утвердить неограниченное господство в Пелопоннесе и тем самым преграждал ей путь для проникновения в Среднюю Грецию.

Согласно Геродоту (VI, 83), после поражения, которое аргосцы потерпели от Клеомена, их город настолько обезлюдел, что власть в нем захватили рабы (*δοῦλοι*). Когда же сыновья погибших возмужали, они изгнали рабов и снова взяли власть в свои руки, но рабы снова захватили Тиринф. Первое время аргивяне и рабы, засевшие в Тиринфе, жили в согласии. Затем в Тиринф пришел некий прорицатель Клеандр из аркадской Фигалии и уговорил рабов напасть на господ (*τοῖσι δεσπότῃσι*). В результате длительной войны между ними лишь с трудом вышли победителями аргосцы. Из этого свидетельства Геродота можно заключить, что Аргос

²⁴ Подробнее об этом см. Ст р о г е ц к и й, Ионийское восстание..., стр. 138—141.

²⁵ Wells, ук. соч., стр. 78; см. также Meyer, Geschichte des Altertums, Bd. IV, 1, стр. 283.

²⁶ How, Wells, ук. соч., II, стр. 351.

²⁷ Herod., I, 61; Arist., Ath. pol. 15.

после поражения, нанесенного лакедемонянами, вступил в полосу длительного внутривосточного кризиса. Из других же мест в истории Геродота можно понять, что по крайней мере в 488/487—481 гг. до н. э. Аргос уже преодолел кризисное состояние.

Когда в 488 г. до н. э. Эгина, находясь в состоянии войны с Афинами, обратилась за помощью к Аргосу, то аргосцы не послали ей официальной помощи, но более 1000 граждан добровольно отправились в Эгину сражаться против афинян (Herod., VI, 92). У. Хау утверждал, что эти люди были *soldiers of fortune*, привлеченные надеждой пограбить. Существование этих *soldiers of fortune*, по его мнению, является признаком того, что в Аргосе был скорее беспорядок, чем восстановленное благосостояние. И на этом основании он делает вывод, что разгром Аргоса имел место незадолго до 488 г. н. э.²⁸ Однако против этого можно привести несколько аргументов. Во-первых, аргосцы отказали в официальной помощи эгинцам не по причине своей слабости из-за недавнего поражения, но по политическим причинам, указав на то, что эгинские корабли вместе с сикионскими были использованы Клеоменом для переправы его войск морем в район сражения. Во-вторых, 1000 добровольцев, о которых говорит Геродот, были отправлены, однако, в Эгину с ведома государства. Аргосу в сложившейся политической ситуации было невыгодно заявлять об официальной помощи Эгине и обострять свои отношения с афинянами перед лицом опасности со стороны лакедемонян, тем более что Спарта в это время находилась в дружественных отношениях с Афинами. В-третьих, Аргос так сумел поправить свои дела после кризиса, что стал даже оказывать давление на Эгину и Сикион, потребовав, чтобы они выплатили штраф в сумме 1000 талантов (Herod., VI, 91). К 481 г. до н. э. Аргос настолько усилился, что с ним вынуждены были считаться и спартанцы. Спарта и Афины, организовывая панэллинский союз, отправляли посольства в наиболее крупные государства с предложением участвовать в борьбе против персов. Одним из первых государств, к которому отправились послы, был Аргос. Насколько можно верить Геродоту, аргосцы уже к этому времени покончили с господством рабов и восстановили власть Совета и царя (Herod., VII, 148—149). Чувствуя свою силу, аргосцы в ответ на предложение спартанцев выдвинули два условия, которые должны были быть выполнены, прежде чем они согласятся участвовать в борьбе на стороне эллинов. Они требовали заключения со Спартой тридцатилетнего мира и признания права на руководство союзом. Спартанцы приняли их предложение о мире (Herod., VII, 148—149) и отказались удовлетворить их притязания на гегемонию в союзе. Аргосцы после этого не только не присоединились к союзу, но, согласно Геродоту, даже вели переговоры с персами. Когда в 479 г. до н. э. Спарта отправила войска во главе с Павсанием к Платеям, ей пришлось скрытно провести сбор войск и достигнуть Истма в обход Аргоса, чтобы не дать аргосцам, находившимся в соглашении с Мардонием, воспрепятствовать выходу спартанцев²⁹.

Итак, если допустить, что разгром Аргоса имел место в 495/494 г. до н. э., а после разгрома, согласно Геродоту, Аргос вступил в полосу длительного внутривосточного кризиса, то трудно себе представить, каким образом уже в 488/481 гг. до н. э. Аргос вновь представлял собой силу, которую должны были принимать во внимание лакедемоняне. Для преодоления существующего противоречия наиболее рациональным, на наш взгляд, было бы принятие ранней даты разгрома Аргоса, а именно 520 г. до н. э.

²⁸ How, Wells, ук. соч., II, стр. 352.

²⁹ Herod., VII, 150—152; IX, 10, 12—13.

Эта дата получает подтверждение также и при сопоставлении письменных свидетельств с данными археологии. Плутарх (*Moral.* 245, *Mul. Virt.* 4) в рассказе о доблестях аргосских женщин сообщает, что они под руководством Телесиллы отразили нападение Клеомена, уложив немало его воинов. Второго царя, Демарата, который ворвался в город и засел в Памфилиаке, они выбили оттуда. Об участии Демарата в войне с Аргосом упоминает также Полиэн (*VIII*, 33), правда, не указывая, удалось ли Демарату ворваться в пределы города. Однако употребление глагола ἐξώσαντο в тексте Полиэна (... Δημάρατον δὲ... ἐξώσαντο καὶ τὴν πόλιν ἀλώσαι κινδυνεύουσαν ἀνέσωσαν) дает основание предполагать, что второй спартанский царь сумел проникнуть внутрь города. Несомненно, участие Демарата вместе с Клеоменом в борьбе против Аргоса имеет кардинальное значение для выяснения датировки битвы при Сепее. Источником Плутарха был эллинистический аргосский историк Сократ, которому Ф. Якоби давал высокую оценку, считая его основательным ученым, вышедшим из школы Филохора³⁰.

Сопоставляя рассказ Геродота (*VI*, 76—82) о борьбе лакедемонян против Аргоса с тем, что говорят Плутарх (*Mul. Virt.* 245 D—F) и Павсаний (*II*, 20, 8, 10), можно заметить, что у Геродота преобладает спартанская версия, исключаящая порочащие Спарту сведения о роли Телесиллы и об участии Демарата в походе против Аргоса, а у Плутарха и Павсания отчетливо чувствуется влияние аргосской традиции. Поэтому мы считаем, что отказ от одной из них (в частности, от аргосской версии, как это в большинстве случаев делается) дает нам очень неполное представление о совершившихся событиях. При этом следует отметить, что в спартанской версии реальные причины, объясняющие неспособность Клеомена взять Аргос, подменены мистическими.

Свидетельство Сократа содержит важную деталь — название местности Παμφυλιακόν, которую было захватил Демарат. Эта деталь позволяет до некоторой степени проверить сообщение Сократа, сопоставив его с данными археологии и топографии города Аргоса. В середине XIX в. ученые составили топографическое описание Аргоса на основе свидетельств античных авторов и прежде всего Павсания. В начале XX в. эти выводы получили подтверждение благодаря археологическим исследованиям.

Итак, город Аргос был разделен на четыре части, одна из которых называлась Παμφυλιακόν. Это деление было обусловлено существованием в Аргосе четырех фил (три дорийские и одна недорийская). Однако, к сожалению, месторасположение Παμφυλιακόν неизвестно. Поэтому можно строить предположения только на основе косвенных данных. Мы полагаем, что этот район мог находиться в восточной части города. В пользу этого можно привести следующие аргументы.

Сепея, у которой произошло сражение, находилась в юго-восточном направлении от Аргоса на побережье перед Тиринфом. Здесь же была священная роща героя Арго, сожженная Клеоменом³¹. Затем он отправился на северо-восток в Герейон около Микен и захватил его³². Таким образом, Клеомен действовал в восточной части территории полиса. По-видимому, с этой стороны город был наиболее уязвим. На западе господствовал горный массив, который простирался как на север, так и на юг. Два аргосских акрополя, Лариса и Аспида, соответственно располагались на западной и северной территориях города. Восточная часть была изрезана

³⁰ F. Jacoby, *FGrH*, III, B 310, fr. 1, Leiden, 1955, стр. 37 сл., прим. 1—2.

³¹ C. Bursian, *Geographie von Griechenland*, Bd. II, Lpz, 1868—1872, стр. 57.

³² О месторасположении Герейона, см. Herod., VI, 84; Paus., II, 17, 1—7; ср. Bursian, *ук. соч.*, стр. 47.

узкими улицами. По всей окружности восточной стены протекала река Харадр. Эта река не представляла собой большого препятствия, потому что, как говорит Павсаний (II, 15,5), летом ее русло, как, впрочем, и других рек, в том числе и Инаха, пересыхало. Важно отметить, что и позднейшие попытки захвата Аргоса также предпринимались с востока. Лучшей иллюстрацией этого является описание действий Пирра у Павсания (I, 13, 7—8), Ливия (XXXIV, 26) и особенно Плутарха (Pyrrh. 32; ср. Paus., II, 22, 8).

Если принять к сведению, что Демарат участвовал вместе с Клеоменом в походе против Аргоса, то он мог попасть в город скорее всего через восточные ворота. В восточной части аргосской стены было двое ворот и одни — Немеийские — на северо-востоке. От них дороги вели в Микены и Немею³³. Другие ворота, так называемые Сквозные³⁴, находились на юго-востоке, и от них путь вел в Эпидавр и Навплию. Через эти ворота Демарат и мог ворваться в город (в то время как Клеомен находился в районе Герейона) или подошел к Аргосу с северо-восточной стороны. Сквозные ворота были наиболее удобны для вторжения, ибо они, находясь в юго-восточной части города, были наиболее удалены от укрепленного центра³⁵.

По-видимому, в этом районе находился и *Παμφύλακον*. Учитывая, что это название несомненно связано с именем одной из дорийских фил (*Παμφύλοι*), может быть, в качестве ориентира следует использовать некоторые архитектурные памятники, являющиеся неотъемлемой частью дорийского Аргоса. В таком случае наиболее подходящим ориентиром могут служить развалины дома Адраста, расположенного немного севернее Сквозных ворот³⁶. Культ Адраста дорийцы Аргоса насаждали в подчиненных ими городах (см., например, отношение к этому культу Клисфена Сикионского: Herod., V, 67—68). Наконец, в юго-восточной части агоры, опять-таки недалеко от указанного нами района, находилась гробница Арго и храм Диоскуров³⁷. Приняв во внимание возможность участия Демарата вместе с Клеоменом в борьбе против Аргоса, можно уточнить дату этой войны. Как сообщает Геродот (VI, 75), после неудавшейся антиафинской экспедиции в 506 г., которой руководили Клеомен и Демарат, в Спарте был издан закон, запрещающий обоим царям выступать вместе с войском в поход.

Таким образом, учитывая все сказанное выше, есть основание предполагать, что война против Аргоса началась до 506 г. Поэтому мы склонны думать, что поражение при Сепее могло иметь место вскоре после прихода к власти Клеомена, т. е. около 520 г. до н. э.

В. М. Строецкий

THE DATE OF THE BATTLE OF SEPEIA

V. M. Stroetsky

In the history of Spartan-Argive relations before the Persian Wars the most resounding event was the battle of Sepeia and the destruction of the Argive army by the Spartan king Cleomenes. The exact date of this battle has not been established. Most historians, evoking the oracular tradition (Her. VI 19, 77), propose the year 495/4 B. C. However,

³³ Paus., II, 18, 3; ср. Bursian, ук. соч., стр. 49, прим. 2; стр. 55.

³⁴ См. Plut. Pyrrh. 32; ср. Paus., II, 22, 8.

³⁵ Павсаний (II, 22, 8) помещает их недалеко от гимнасия, названного в честь сына Сфенела Килараба; ср. Bursian, ук. соч., стр. 55, прим. 2; W. Vollgraff, ВСН, 31, 1907, стр. 139—184, особенно 169—173.

³⁶ См. Paus., II, 23, 2; ср. Bursian, ук. соч., стр. 55.

³⁷ См. Bursian, ук. соч., стр. 55; Vollgraff, ук. соч., стр. 173.

---

the interpretation at that time of a general oracle concerning the Argives and the Milesians does not exclude the possibility that the oracle itself was given much earlier. Moreover study of all the available data preserved in the literary tradition (Her. VI 83,92; VII 148, 149; Arist., *Pol.* V, 1303^a 5—8; Plut., *Mor.* 245 D — F; Polyæn., *Strat.* VIII 33; Paus. II 20, 8—10) suggests that the battle of Sepeia was fought ca. 520 B. C. This date is also supported by archaeological and topographical evidence, which lends credence to what Plutarch's source, Socrates, said about the participation in the battle of Demaratus also, the other king of Sparta.
